

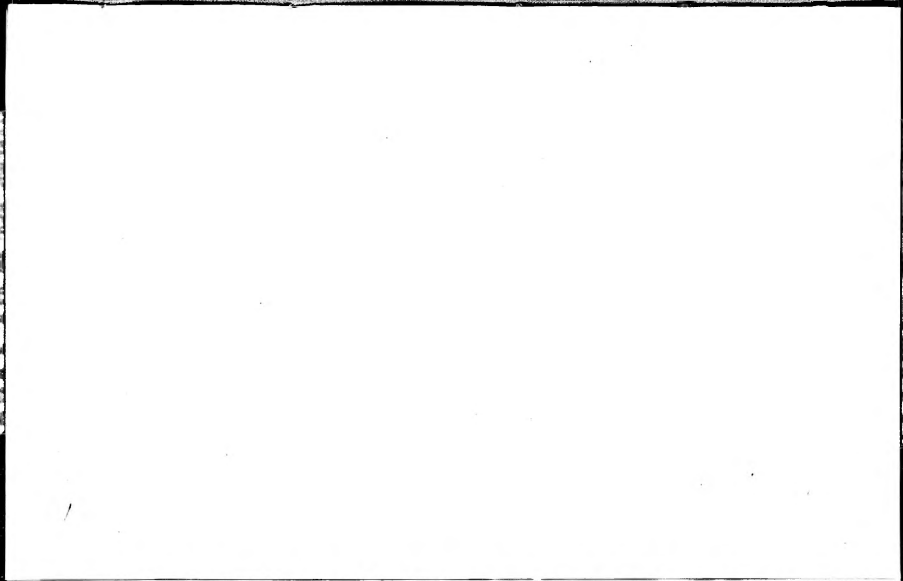
Троцкий,
Л.
На путях
к европей
ской револю
ции,
М., 1924.

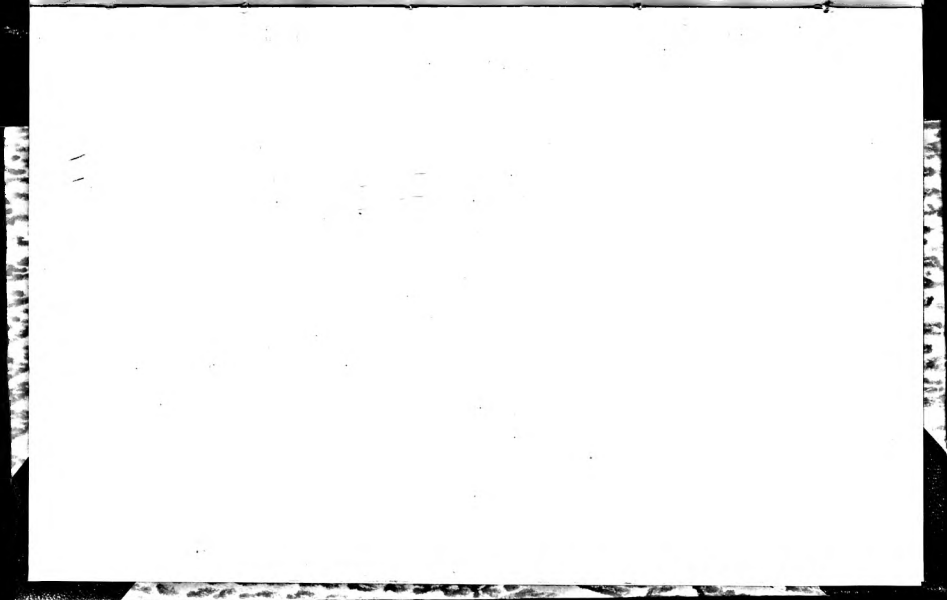
ИМЛ - Библиотека
ЕНТЛ
Н 135 1984

1855

[Faint, illegible text covering the majority of the page]

[Vertical strip of text or binding material on the right edge]

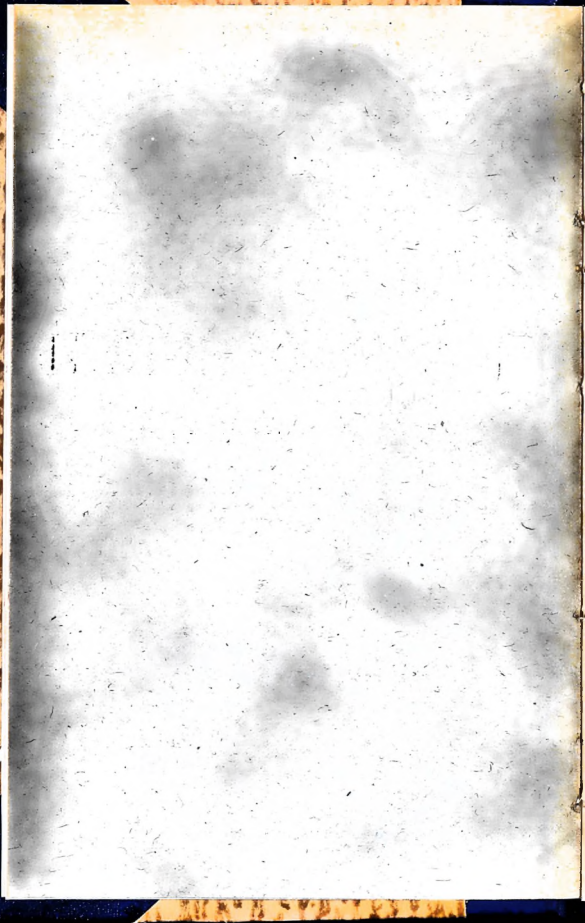

Л. Троцкий

ЕМ171
Н135

НА ПУТЯХ К ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1924

Л. Троцкий
X

ЕМ №1
Н 135

НА ПУТЯХ К ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(РЕЧЬ В ТИФЛИСЕ 11 апреля 1924 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1924

12/25

ЕН171
Н135

БИБЛ.	КА
Эта серия	ИНВЕНТАР
при ЦК КПСС	

1062859

~~с 9
30/172~~

Признаюсь, я с некоторыми затруднениями приступаю к своему сегодняшнему докладу. Два месяца оставался я на этом прекрасном Кавказе, который мне довелось посетить в первый раз в жизни. Это время я провел в одном из самых благодатных, но вместе с тем и самых отдаленных уголков Закавказья, именно в Абхазии. Вы знаете, товарищи, что Абхазия—прекрасная страна, в ней есть прекрасные товарищи, но, к сожалению, эта страна далеко не совершенна в смысле почтово-телеграфной связи. Будучи отрезан от нашего союзного центра — Москвы, я пользовался далеко не полной информацией, при крайней запоздалости к тому же получения газет.

Поэтому, когда ко мне обращались товарищи журналисты и, по обычаю очень дурному,—скажу откровенно (я сам журналист),—требовали от меня интервью—есть такой плохой газетно-парламентский обычай, который мы переняли,—то я должен был больше информироваться у них о последних известиях и новостях, чем осведомлять интервьюирующих журналистов. Поэтому позвольте мне мой доклад сделать обзорным, подводящим некоторые итоги последнего периода. Я остановлюсь преимущественно на нашем международном положении, которое, однако, неразрывно связано с судьбами и ходом мировой революции и с нашей внутренней работой, нашими внутренними успехами.

Если, товарищи, окинуть общим взором последний период, то придется прежде всего сказать, что у нас, наряду с текущими успехами и неудачами, имеется одно величайшее несчастье, которое учитывается огромной величиной в балансе мировых сил. Наше несчастье—это потеря вождя, потеря, которая учитывается нашими врагами и нашими друзьями: друзьями,—как невозместимый минус, врагами—с злорадством и с надеждой. Все или почти все, что по этому поводу можно было бы сказать, сказано;

все меры, которые могли бы хоть отчасти возместить коллективными усилиями эту потерю, мы принимали, принимаем и будем принимать. Если горе наших друзей, мировое и наше собственное горе, не может быть смягчено, то, по крайней мере, мы сделаем все, чтобы злорадные надежды наших врагов не были оправданы (бурные аплодисменты).

Мировая обстановка, рассматриваемая под углом зрения нашего Советского Союза и международной революции остается по-прежнему в высшей степени сложной, противоречивой, колеблющейся, но в общем и целом изменяющейся в нашу пользу.

Вопрос о Бессарабии.

Подойти к этой международной обстановке можно, разумеется, с разных концов. Позвольте мне подойти с газетного конца, с сегодняшнего номера вашей газеты «Заря Востока», одной из лучших газет нашего Советского Союза. Тот, кто интересовался, мог узнать из сегодняшнего номера некоторые мои суждения по международным вопросам. Я должен сейчас же сказать, что эти суждения здесь переданы крайне неточно. Это я очень дружески выражаюсь по адресу корреспондента нашей газеты. Я, товарищи, должен об этом сказать как для того, чтобы яснее и точнее представить свое мнение, так и для того, чтобы не причинить лишнего затруднения нашему другу Чичерину. По вопросу о Бессарабии здесь, в интервью, дело представлено почти что так, как если бы я считал войну с Румынией вероятной. Это не так, совсем не так. Вопрос очень острый и важен, и здесь двусмысленности допустить нельзя. Речь идет не о том, чем вообще закончатся наши сложные отношения с Румынией, а о том, к чему непосредственно приведет разрыв переговоров, происшедший по вине Румынии, которая не приняла предложения нашего правительства устроить плебисцит в Бессарабии. Плебисцит — это самая демократическая в данном случае мера. Тут международные меньшинки должны были нас поднять на щиты. Мы предлагаем опросить население Бессарабии, а для этого — вывести войска и создать самые демократические условия для опроса. Нужно сказать, — и мы это тщетно вколачиваем в черепа представителей Второго Интернационала, — что мы вовсе не отвергаем демократию целиком и для всех условий. Нет,

по сравнению с самодержавием, с царизмом, демократия была плюсом. По сравнению с разнузданной, отъявленной черносотенной румынской боярщиной демократия, конечно, плюс. И было бы, разумеется, шагом вперед, если бы мы создали хотя временный демократический режим для опроса населения о том, к какой стране оно хочет принадлежать. Но это было отклонено. И вот на вопрос, означает ли это войну, я ответил примерно так: разумеется, мы не можем взять на себя гарантии, что войны у нас с Румынией ни при каких условиях не будет. У Румынии есть армия, и у нас есть. Для чего-нибудь Румыния имеет армию. И мы кое для чего имеем армию (аплодисменты). Товарищи, ваши аплодисменты могут быть в Бухаресте поняты так, будто вы желаете пустить армию в дело... (смех). Что означает прекращение переговоров? Я привел французскую пословицу, которая говорит: «двери могут быть либо открыты, либо закрыты». В данном случае закрыть двери значило бы «признать де-юре», т.е. узаконить, захват Бессарабии Румынией. Что значит открыть двери? При данных условиях это значило бы открыть их со взломом, а для взлома в международном масштабе существуют: пехота, артиллерия и кавалерия. Как же мы поступим? — открываем мы дверь или закрываем? Нет, мы ее оставляем полуоткрытой. Что это значит? Не признаем захвата и открыто об этом заявляем трудящимся всех стран и, прежде всего, трудящимся Бессарабии и Румынии. Это — раз. А затем выжидаем. Обстановка меняется, и многие страны, которые были под боярами или под меньшевиками, стали хорошими советскими странами. Эта же судьба может и должна случиться и с Бессарабией, а затем и с Румынией. Так что у нас здесь политика, я бы сказал, выжидательная, не вполне нейтральная и во всяком случае не очень «благожелательная».

Политика Франции.

Но, товарищи, политика Румынии не есть самостоятельная политика. За Румынией стоит Франция. Франция же стоит и за Польшей, и за Китаем, и пытается стать за Турцией. Как-раз теперь, когда, казалось бы, чрезвычайно приближается момент нашего соглашения с Францией, — по крайней мере, об этом не уставая пишут виднейшие публицисты в руководящих органах французской буржуазии, да

и сам Пуанкарэ в очень вежливом тоне перекликается с Чичериным, — эта же Франция удесятерила злобный характер своей политики против нас. Они в своем парламенте «ратифицировали» присоединение Бессарабии к Румынии, — как вы знаете, для грабежа, воровства и захвата имеются очень сложные слова, как аннексия, де-юре, ратификация и пр. Одновременно Франция начала кампанию против нас в Польше. Давно польская печать не говорила о нас таким злобным тоном, каким говорит сейчас. И, наконец, есть довольно серьезные сведения о том, что Франция прилагает все усилия к тому, чтобы поссорить нас с Турцией. Некоторые органы турецкой печати, которые раньше держали себя довольно дружелюбно по отношению к Советскому Союзу, заговорили другим языком. Хотя французский франк сильно пал, тем не менее, он все же, повиidному, приятно звенит для уха некоторых журналистов турецкой печати. Франция же поддерживает малую Антанту, дает ей сотни миллионов для вооружения и восстанавливает ее против нас. А в то же время у себя в парламенте и в печати правящая Франция заявляет, что с Советским Союзом у нее нет противоречия в интересах, и соглашение вполне возможно. Каков же смысл этой политики? Это есть яркое и законченное выражение политики биржевого шантажа. Пуанкарэ хочет показать нам, что мы без Франции будем иметь затруднения везде и всюду: малая Антанта — против нас, Румыния — против нас, в Польше, мол, волна возмущения против нас, и даже в Турции, будто бы, поворачивается колесо против нас. И Франция нам говорит: заплатите нам по счету — и тогда мелкие претензии малых держав исчезнут. Разумеется, Франция предаст и Польшу, и Румынию, и Турцию, как только мы согласимся выплачивать проценты по всем займам и вообще склонимся перед Пуанкарэ. А пока что — шантаж, политика булавочных уколов. На-ряду с волчьей пастью — лисий хвост, заверения руководящих французских органов, что противоречий с Францией у нас нет. Ясно, что Пуанкарэ с этой политикой просчитается. Его предшественником на этом пути был Клемансо: Человек покрупнее и покрепче. Вражда Клемансо к нам была враждой 96 пробы. Он окружил нас изгородью из колючей проволоки, он душил нас блокадой. Мы эту проволоку прорвали и говорим нынче: если Клемансо не погубил нас блокадой из колю-

чей проволоки, то Пуанкарэ не запугает нас политикой булавочных уколов (аплудисменты).

Как известно, Франция принадлежит к числу тех стран, которые нас не признали, и это непризнание есть одно из средств французского шантажа и вымогательства по отношению к нам. Французская политика в целом основана сейчас на вымогательстве: на платоническом и безнадежном вымогательстве по отношению к нам и на реальном, материальном вымогательстве по отношению к Германии.

В этом разница положения Советской Республики и буржуазной германской республики. Там царила несколько лет меньшевистская социал-демократия, в архидемократической республике. И что же? в международном отношении эта демократия оказалась тряпкой, о которую генералы Пуанкарэ обтирали свои ботфорты. А Республика, которая увенчалась диктатурой пролетариата, оказалась в международном отношении скалой, о которую империалисты всего мира обламывали себе зубы. Вот блестящий урок для рабочего класса и для тех из меньшевиков, которые еще способны чему-нибудь научиться!

Германская революция.

Последний год мы прожили под знаком приближающейся революции в Германии. Во второй половине прошлого года германская революция надвигалась на нас со дня на день. В этом мы видели основной фактор мирового развития. Если бы германская революция победила, это радикально изменило бы соотношение мировых сил. Советский Союз, с его 130-миллионным населением, с его неисчислимыми естественными богатствами, с одной стороны, и Германия, с ее техникой, с ее культурой, с ее рабочим классом — с другой стороны, такой блок, такой могущественный союз сразу передвинул бы линию развития в Европе и во всем мире. Строительство социализма пошло бы совершенно другим темпом.

Однако, в Германии, наперекор нашим ожиданиям, революция до сего дня не победила. Почему? Над этим вопросом надо задуматься потому, что он нас кое-чему научит, не только для Германии, но и для нас самих.

При каких условиях возможна победоносная пролетарская революция? Нужно известное развитие производительных

сил. Нужно, чтобы пролетариат и те промежуточные классы населения, которые его поддерживают, за ним идут, чтобы они составляли большинство населения. Нужно, чтобы авангард ясно понимал задачи и методы пролетарской революции и имел решимость ее осуществить. И нужно, чтобы он повел за собой большинство трудящихся масс на решительный бой. С другой стороны, необходимо, чтобы правящий класс, т.-е. буржуазия, был дезорганизован, запуган всей международной и внутренней обстановкой, нужно, чтобы его воля была подкошена и надломлена. Вот материальные, политические и психологические предпосылки революции. Вот условия для победы пролетариата. И если мы спросим, были ли эти условия в Германии налицо, то я думаю, что мы должны ответить с полной твердостью и отчетливостью: да, все, кроме одного. Вы помните период с середины прошлого года. Вы помните неудачу и срыв пассивного сопротивления буржуазии Германии против оккупации Рура. Этот период характеризуется полным потрясением Германии. Немецкая марка катилась вниз в таком бешеном темпе, которому мог бы позавидовать наш покойный советский рубль. Цены на предметы первой необходимости бешено шли вверх. Недовольство рабочих масс выражалось в открытых столкновениях с государством. Немецкая буржуазия была обескуражена и неспособна к действию. Министерства менялись. Французские войска стояли на немецкой стороне Рейна. Штреземан, премьер-министр большой коалиции, заявил: «Мы—последнее парламентское буржуазное правительство. После нас придут или коммунисты или фашисты». А фашисты говорили: «Пусть идут коммунисты, а мы придем после них». Все это означало последнюю степень потрясения всех основ буржуазного общества. Рабочие приливали к коммунистической партии каждый день. Правда, довольно широкие массы еще топтались в рядах меньшевистской партии. Но вы помните, что когда мы в Октябре взяли власть в Питере, то мы застали во главе профсоюзов меньшевиков, потому что питерские рабочие, под руководством нашей партии, с такой быстротой бросились на завоевание власти, что не успели стряхнуть с себя старую пыль в профсоюзных союзах...

Почему же все-таки в Германии нет победы до сих пор? Я думаю, что ответ может быть только один: потому что в Германии не было большевистской партии, и не было у

нее вождя, какого мы имели в Октябре. Мы здесь в первый раз имеем колоссальный исторический опыт для сравнения. Конечно, можно сказать, что в Германии победа труднее. Германская буржуазия умнее и крепче нашей. Но рабочий класс не выбирает себе врагов. Вы тут, в Грузии, дрались с меньшевистским правительством, которое вам было послано судьбой. Германскому рабочему классу придется драться с германской буржуазией. И можно сказать с полной уверенностью, что более благоприятных объективных условий, чем те, которые были во второй половине прошлого года, история для германского пролетариата вряд ли создаст. Чего же нехватало? Нехватало партии с таким закалом, какой имеет наша партия (голос: правильно). Это, товарищи, центральный вопрос, и из этого опыта должны будут учиться все европейские партии, и мы с вами должны будем учиться еще яснее и глубже понимать и ценить характер, смысл и природу нашей партии, обеспечившей пролетариату победу в Октябре и ряд побед после Октября.

Товарищи, я не хотел бы быть понят в каком-нибудь пессимистическом смысле—например, будто я считаю победу германского пролетариата отодвинутой на много лет. Нет, нет. Будущее за нами. Но нужно правильно анализировать прошлое. Поворот прошлого года, в октябре-ноябре, когда пришел германский фашизм, когда пришла крупная буржуазия, это есть величайшее поражение. Так мы должны его записать, оценить и в своей памяти закрепить, чтобы учиться из него. Это есть величайшее поражение. Но на этом поражении германская партия учится, закаляется, растет. А обстановка остается по-прежнему революционной. Но к этому я еще перейду.

Мы имели в мировом масштабе три момента, когда пролетарская революция назрела и требовала хирургического ножа. Это был октябрь 1917 года у нас, это был сентябрь 1919 года в Италии, и это было второе полугодие (июль—ноябрь) прошлого года в Германии. У нас мы имели победоносную пролетарскую революцию, — совершенную, завершенную и закрепленную первый раз в истории. В Италии мы имели саботированную революцию. Пролетариат ринулся всей своей массой на буржуазию, захватывал заводы, фабрики, шахты, а социалистическая партия, испугавшись натиска пролетариата на буржуазию, нанесла ему удар в спину, дезорганизовала его, парализовала

его усилия и выдала его фашизму. И, наконец, мы имеем опыт Германии, где есть честная, преданная делу революции коммунистическая партия, но она не имеет еще необходимых качеств: глазомера, решимости, закала. И эта партия в известный момент упустила революцию. Для всего нашего Интернационала в целом и для каждого мыслящего рабочего в отдельности, нужно всегда иметь перед глазами эти три образа, три исторических опыта: Октябрьскую революцию у нас, революцию, подготовленную историей, нами совершенную, завершённую и закреплённую; революцию в Италии, подготовленную историей, поднятую на свои плечи рабочим классом, но саботированную, сорванную социалистической партией; и революцию в Германии, подготовленную историей, революцию, которую рабочий класс готов был поднять на свои плечи, но которую честная коммунистическая партия, лишённая необходимого закала и руководства, не смогла и не сумела овладеть.

Дело в истории вовсе не происходит так, что сперва возводится фундамент, вырастают производительные силы, готовится необходимое соотношение классовых сил, пролетариат революционизируется, потом все это берётся в холодильник, консервируется, а тем временем идет воспитание коммунистической партии: она готовится, а «условия» ждут и ждут. Когда она подготовилась, она, засучив рукава, берётся за борьбу. Нет, история так не идет. Для революции необходимо совпадение необходимых условий во времени. В самом деле, если бы в Германии во второй половине прошлого года была налицо наша большевистская партия с той волей, которая есть, была и будет в нашей партии, с волей, которая обнаруживается в действии, с тем тактическим умением, которое рабочая масса чувствует и говорит себе: этой партии можно доверить свою судьбу, — если бы такая партия была налицо, она в действии и через действие повела бы за собой подавляющее большинство рабочего класса.

Какой же вывод отсюда? Вывод для нашей германской партии, разумеется, тот, что необходимо дальнейшее упрочение рядов, теснейшая связь с массой, необходим тщательный подбор боевых революционеров, необходим закал партийной воли.

Но теперь спросим: а объективные условия революции сохраняются ли? Это очень важный вопрос для оценки ме-

ждународного положения вообще и Германии в частности. За последние месяцы положение Германии сильно изменилось. Там достигнута некоторая стабилизация марки, германской денежной единицы. Цены в Германии перестали столь быстро прыгать вверх. Промышленность сейчас там развивается, хозяйственное положение лучше, чем было в прошлом году, безработица несколько менее, положение рабочего класса несколько улучшилось. Это несомненные факты. Острота положения, таким образом, несколько смягчилась. А дальше? Ответ на этот вопрос может быть дан сейчас лишь в самых общих чертах, но этот ответ будет все же достаточным для оценки тех перспектив, которые стоят перед нами. Развитие Европы может в ближайший период пойти по двум путям, в зависимости от того, даст ли Антанта дышать Германии, или нет. После того опыта, который был в прошлом году, когда красный призрак коммунизма чуть-чуть не стал в Германии плотью и кровью, буржуазия Франции, Англии и Соединенных Штатов может попытаться несколько облегчить положение Германии, дать ей некоторые кредиты и предоставить ей в платежах ту рассрочку, при которой хозяйственная жизнь Германии будет возможна. Это вызовет неизбежно известный подъем германской промышленности, а в связи с этим возрастет и германский экспорт. Германская промышленность работает сейчас примерно на 50% против своей мощности, и если чуть-чуть облегчить хозяйственное и финансовое положение Германии, мы будем иметь быстрый рост германского экспорта. Емкость рынка Европы, однако, мала, и в результате роста германского вывоза мы будем через год, а то и ранее, наблюдать катастрофический кризис английской и французской промышленности. Малейшее облегчение участи Германии неизбежно увеличит кризис в Англии, в которой и сейчас около миллиона безработных. Совершенно ясно, что это должно будет дать могущественный толчок борьбе английского пролетариата. Макдональд, нынешний английский министр-президент, о котором нам придется еще сказать несколько теплых слов, понимает, конечно, что при нынешних условиях помощь германской промышленности может нанести удар английской промышленности. Решив так, он может умыть руки. От пересмотра версальского мира он ведь уже отказался. Допустим, что и Соединенные Штаты не придут на помощь Германии, и что Пуанкарэ продол-

жит свою политику удушения Германии. При этих условиях германская марка через несколько недель начнет падать еще более бешеным темпом, чем это было раньше, цены будут не менее бешено расти, промышленность будет падать, безработица снова возрастет, и революция будет развиваться еще более быстрым темпом, чем в прошлом году. Но германская коммунистическая партия будет уже не той партией, что была в прошлом году. Она уже предстанет более опытной, более закаленной перед новыми испытаниями, а это гигантски увеличит шансы победы. Стало-быть, две перспективы перед нами: либо временное смягчение революционной обстановки в Германии, ценой неизбежного обострения революционных отношений во всей Европе, либо оттяжка кризиса в Англии и Франции, ценой неистового обострения классовых отношений в Германии. И в том, и в другом случае Европа будет идти путем грандиозных революционных потрясений. Вот, в общем и целом, как я оцениваю обстановку в связи с ходом развития в Германии.

„Рабочее“ правительство в Англии.

Нам надо сказать теперь несколько слов о Великобритании с ее новым опытом так-называемого «рабочего» правительства на парламентских, «демократических» основах, т.-е. идеальнейшего, святейшего, казалось бы, опыта для каждого правоверного меньшевика.

Что же этот опыт нам дал до сих пор? Вы знаете, что так-называемая «рабочая» партия не имеет в парламенте абсолютного большинства. Почему? Потому что значительная часть английских рабочих до сих пор тянется в хвосте либерализма: эти рабочие, отнюдь не самые тупые, не видят просто большой разницы между либералами и Макдональдом. Они говорят: «какой смысл нам менять квартиру и расходоваться на переезд, если разница только в фамилии домовладельца». Итак, ни одна из трех партий не имеет сейчас в парламенте абсолютного большинства. Либералы и консерваторы отступили и, обратясь к рабочей партии, сказали: «Пожалуйте, вы вторая по силе партия—пожалуйте. Приходите владеть и княжить нами». Англичане большие юмористы, как вы это знаете. Об этом свидетельствует Диккенс, великий представитель английского юмора. И Макдональд взял власть. Теперь мы спрашиваем: что же будет дальше?

Каково будет дальнейшее поведение «рабочего» правительства? Если у него нет большинства в парламенте, то это вовсе не значит, что положение его безвыходное. Выход есть, нужна только решимость найти его.

В самом деле, представьте себе, что Макдональд говорит: у нас до сих пор, к стыду нашему, есть над демократией некое августейшее семейство, в котором мы не имеем нужды; если бы он прибавил, что всякие титулованные наследники грабителей и кровопийц сидят в палате лордов и других государственных учреждениях, и что нужно взять метлу и вымести их вон,—если бы он сказал это, да разве сердца английских рабочих не забились бы с радостью? Да если бы еще прибавил: отберем у них земли, шахты, железные дороги, национализируем банки, а в английских банках можно, ведь, найти побольше, чем у нас (бурн. аплод.); если бы он сказал: на средства, которые освободятся от упразднения монархии и палаты лордов, мы займемся строительством рабочих жилищ,—он вызвал бы огромный энтузиазм. В Англии три четверти населения составляет рабочий класс. Это чисто-пролетарская страна. Там горсточка земельных лордов и капиталистов, правда, могущественная и богатеющая, но все-таки горсточка. Если бы Макдональд вошел в парламент, положил свою программу на стол, стукнул слегка кулаком и сказал: «принимайте, или я вас разгоню» (пусть он скажет это более вежливо, чем я сейчас говорю),—если бы он это сделал, то Англии через две недели нельзя было бы узнать. Макдональд получил бы на выборах подавляющее большинство. Английский рабочий класс сбросил бы с себя ту скорлупу консерватизма, которою его умело окружали, сбросил бы это рабское уважение перед законом буржуазии, перед имущими классами, перед церковью и перед монархией. Но Макдональд этого не сделает. Он этого боится. Он консерватор, он за монархию, за частную собственность и за церковь. Вы знаете, что английская буржуазия создала для нужд народа разные церкви, религиозные общества и секты. Как в большом магазине готового платья, там каждый может найти себе церковь по росту и сложению. Это не случайность, это вполне целесообразно с точки зрения интересов господствующего класса: этим дроблением и приспособлением церкви достигается большая гибкость ее, следовательно, и более успешное затемнение сознания угнетенного класса. У нас господствующая церковь была воплоще-

нием казеннейшего бюрократизма. В душу она глубоко не забиралась. А в Англии более тонкие методы и приемы. В Англии архипокладистая, соглашательская, я бы сказал: меньшевистская церковь. А с другой стороны, английский меньшевизм насквозь пропитан духом поповщины. Все это только разные формы приспособления к отдельным группам и слоям пролетариата, все это лишь сложное разделение труда на службе буржуазного порядка.

Товарищи, не зачем говорить, что я и до «рабочего» правительства не был высокого мнения ни о Втором Интернационале, ни о Макдональде, но все-таки, знаете,—я сегодня уж говорил об этом в частной беседе со своими друзьями,—каждый раз, когда сталкиваешься с меньшевизмом в новой обстановке, то убеждаешься, что он хуже и дряннее, чем ты предполагал. Это так-называемое «рабочее» правительство сплошь, до самой макушки, нагружено худшими мелкобуржуазными предрассудками и позорной трусостью перед крупной буржуазией. Министры Макдональда преисполнены благочестия и всячески выставляют его напоказ. Сам Макдональд—пуританин; он на вопросы политики глядит, изволи-те ли видеть, через стекла религии, которою питалась революционная мелкая буржуазия 17-го столетия. Его коллега, Гендерсон, министр внутренних дел, является не то председателем, не то вице-председателем союза христианских евангелических обществ или чего-то в этом роде. Каждое воскресенье министр внутренних дел рабочего правительства произносит благочестивую проповедь. Это, товарищи, не шутка, это не из английского «Крокодила», это факт. И факт этот связан теснейшим образом с английской консервативной традицией, с ловкой, умелой, выдержанной идеологической работой английской буржуазии. Она создает невероятный террор общественного мнения против всякого, кто смеет заявить, что он материалист и атеист. Мы имеем в Англии блестящую историю естествознания, Англия дала нам Дарвина, этого Маркса биологии, и, однакоже, Дарвин не смел называть себя атеистом. Крупной английской буржуазии—горсточка, и никакие полицейские репрессии не помогли бы, если бы не было политического влияния церкви. Ллойд-Джордж недаром сказал, что церковь—это центральная электрическая станция всех партий. Чтоб конкретнее пояснить вам это, я приведу один пример, который рассказывал сегодня друзьям в частном разговоре. В 1902 г., т.-е.

22 года тому назад, я был в Англии и с Владимиром Ильичом посетил социал-демократический митинг в церкви, при чем митинг этот происходил в таком порядке: рабочий - наборщик, вернувшись из Австралии, говорил речь по тем временам довольно революционную, против господствующих классов, за революцию и пр., а затем все поднимались и пели хором гимн или псалом на такую тему: праведный боже, помоги, чтобы не было ни богачей, ни королей, ни угнетателей (смех). Это все важная составная черта английских политических нравов. Этим сильна английская буржуазия, и этим слаб английский пролетариат...

Я на - днях читал, не помню в какой газете, речь самого Макдональда в евангелическом обществе: он говорил с возмущением о классовой борьбе, проповедывал, что спасти общество может только христианская мораль и пр. Мудрено ли, если он с возмущением говорит о Советской Республике? И что же? Этот пуританин, пацифист, проповедник христианской морали, едва вступив в правительство, утвердил программу постройки пяти новых крейсеров. Его коллега заявил, что в области военной авиации остается неизменной программа прежнего консервативного правительства, и, наконец, постройка легких танков, после пришествия рабочего правительства в Англии, идет полным ходом. Вы видите, как христианский пацифизм выглядит на деле. И немудрено: тот же Макдональд заявляет, что в области политики нужна преемственность, т.-е. то, что делали консерваторы, будем делать и мы.

Он пишет в письме к Пуанкарэ, что союз Англии и Франции есть основа европейского мира и порядка. Почему? Из чего это вытекает? Ведь, нынешняя Франция — оплот реакции и милитаризма. Почему же это рабочее правительство Англии должно находиться в союзе с подлой французской плутократией? Почему рабочее правительство, а не настоящее рабочее правительство Англии не могло бы заключить союз с нами? Разве это был бы плохой союз — союз рабочего класса Англии с рабочим классом Советских Республик? Между царской Россией и капиталистической Англией шла долгая борьба. Царская Россия стремилась ущемить Англию в ее колониях, прежде всего в Индии, а Англия не давала России выхода через турецкие проливы. Бисмарк называл эту борьбу России с Англией дракой слона с китом. Но теперь, при новом великом повороте истории, разве кит

рабочей Англии не мог бы заключить дружественный союз с советским слоном? Разве такой союз не представлял бы величайшие выгоды для обеих сторон? Английской промышленности, английскому народу нужны наши поля, наши леса, наш хлеб, наше сырье, а нам нужны их капитал, их техника. Союз рабочего правительства Англии с нами был бы сильной уздой для буржуазной Франции, и она не смела бы далее бесчинствовать в Европе и разорять ее. Да мы вместе с рабочей Англией помогли бы Европе уменьшить бремя вооружений, мы приблизили бы создание рабоче-крестьянских Соединенных Штатов Европы, без чего Европе грозит неминуемый экономический и политический упадок. Но что делает Макдональд? Этот благочестивый пацифист говорит Пуанкарэ, самому злостному представителю биржевиков Франции, что именно с ним он хочет оставаться в союзе,—следовательно, против нас и против трудящихся масс Европы. Вот где подлинный меньшевизм, и не мелкого карманного формата, в стиле Жордания здесь у вас, а меньшевизм мирового масштаба, ставший у власти в стране, которая охватывает сотни миллионов колониальных рабов.

За немногие недели своего владычества английский меньшевизм стал ненавистен в колониях, как в Индии, так и в Египте, где победили революционно-национальные стремления под лозунгом полного отделения от Англии. Большевики станут возражать, что английская промышленность не может обойтись без индийского и египетского хлопка и вообще колониального сырья. Как-будто вопрос в этом! Если бы Макдональд попытался договориться с индусами и египтянами на почве признания полной их независимости, то Англия имела бы хлопок в обмен на машины, имела бы экономические связи, и эти связи развивались бы. Но Макдональд выступает и здесь, как меньшевистский приказчик английских империалистов.

И, наконец, есть еще один факт, который имеет прямо-таки символическое значение в истории: речь идет о халифате. Турция, как известно, упразднила халифат—это есть шаг либерально-буржуазного прогресса. Национальная Турция сбрасывает с себя феодальные, султанские, халифатские ризы и становится более или менее демократически-буржуазной страной. Это есть шаг вперед. Что же делает правительство Макдональда, меньшевистское «рабочее» правительство? Оно коронует нового халифа в Хеджасе, так-назы-

ваемого шейха Мекки и Медины, чтобы иметь, в его лице, орудие колониального порабощения. Я читал в газете «Таймс»,—хотя это и консервативный орган, но он всегда выражает во внешней политике официальную линию существующего правительства, все равно: буржуазного, либерального или макдональдовского,—я читал там о том, что в Турции—увы!—рушатся августейшие, святейшие, вековые устои, и мы с глубокой печалью присутствуем при этом. А Макдональд субсидирует этого самого новоиспеченного хеджасского халифа потому, что для августейших учреждений требуются августейшие штаты и соответственный бюджет. В частности, штаты халифа связаны с очень обширным гаремом, который, как мы на днях читали, недавно вывозился из Константинополя. При существующей в Англии безработице и при затруднениях английского бюджета придется, видно, Макдональду слегка урезать субсидии безработным, чтобы покрыть дополнительные расходы на новый халифский гарем. Все это кажется анекдотом, но это факт, которого из истории не вычеркнешь...

Подумать только! Эта «цивилизованная» и «гуманная» Англия в лице Гладстона громила Турцию за отсталость и варварство. А теперь, когда Турция поднялась на ноги и прогоняет халифа и султана, парламентская Англия, увенчанная меньшевистским правительством Макдональда, восстанавливает халифат под своим протекторатом. Вот вам полная мера падения буржуазной демократии!

Если в связи со всем сказанным вы спросите: каковы же будут судьбы дальнейших переговоров наших с новым правительством Англии относительно возможных займов, взаимного покрытия претензий и прочего, я затрудняюсь дать хотя бы самый приблизительный ответ: как знать, что решится сделать Макдональд, и что ему позволят сделать его либеральные и консервативные контролеры? И здесь я должен исправить вторую неточность в интервью, напечатанном в «Заре Востока». Тут сказано: Троцкий указывает на возможность того, что эти переговоры послужат рычагом, который свалит так-называемое рабочее правительство Макдональда. Не больше и не меньше! Товарищи, если бы я сказал что-нибудь подобное, то тов. Чичерин и тов. Раковский применили бы ко мне весьма строгие меры

1062859

с. 99
20/1/42

и были бы правы. Представьте себе положение: мы отправляем делегацию для переговоров, и в то же время я заявляю, что мы отправляем эту делегацию для того, чтобы мимоходом свалить Макдональда. Каким способом? С какой целью? Чтобы заменить его Болдуином или Ллойд-Джорджем? Пустяки. Ничего подобного я не сказал. Напротив, наша делегация есть один из рычагов, который может чрезвычайно упрочить положение английского правительства. При каких условиях? При смелом и решительном поведении этого правительства. В Англии безработица; ее можно сократить путем предоставления нам большого кредита, путем повышения нашей платежеспособности. Советский Союз способен создать для английских товаров самый мощный рынок. Никакие колониальные грабежи не смогут дать английскому хозяйству те выгоды, что может дать прочный союз с нами. Кредит не филантропия. Мы воздадим сторицею. Здесь выгоды явные и обоюдные. Какие же препятствия? Капиталисты требуют с нас через Макдональда уплаты царских долгов. Когда же это сорвавшийся с веревки платил палачу за эту веревку? А мы сорвались с царской веревки и будем за нее платить английской бирже? Да нет, никогда! Наши собственные обязательства мы выполняем строго: так, мы открыто и торжественно обязались на первом Совете 1905 года не платить царских долгов, и это наше международное обязательство мы выполняем (бурные аплодисменты). Если мы теперь приходим к необходимости того или иного делового соглашения с буржуазией, мы наши новые обязательства будем строжайше выполнять. Английские банкиры, когда вы нам дадите ссуду, то до тех пор, пока вы останетесь английскими банкирами, то-есть до тех пор, пока английский пролетариат будет вас терпеть, мы будем вам аккуратно платить. А когда английский пролетариат вас свалит, тогда он унаследует от вас и наши обязательства. Вы имеете тут ясную, деловую и неоспоримую постановку вопроса. Высшей гарантией выполнения нами наших международных обязательств является наш собственный интерес! Если бы Макдональд пошел на широкое соглашение с нами, он бы себя укрепил. Я в этом несколько не сомневаюсь. Вообще только мужественной политикой он завоевал бы сердца миллионов рабочих, и парламентскими штучками его никто не свалил бы. Как видите, это совсем не то, что мне припи-

сано в интервью. Разговор был очень спешный, в вагоне, перед отходом поезда, коллега быстро царапал карандашом. Я не в укор это говорю, а чтобы себя реабилитировать (смех).

Что сам Макдональд всеми силами помогает себя свалить,—это для меня совершенно ясно, как и для всех вас. Либералы, как я сегодня читал в газете одним глазом, оставили в парламенте Макдональда в меньшинстве по вопросу о рабочих жилищах, и он счел себя вынужденным принять либеральный законопроект о рабочих жилищах. Что это значит? Рабочий скажет: зачем мне чесать правой рукой за левым ухом? Зачем мне через Макдональда получать либеральный законопроект, когда я могу получить его непосредственно от либерала. Ясно, что либеральная партия таким путем не только свалит, когда захочет, Макдональда, как министра, но и подкопает тот политический авторитет, который рабочая партия имеет в рабочих рядах. Часть рабочих, более аристократическая, более хорошо поставленная, которая голосовала на последних выборах за рабочую партию, будет вероятно, на ближайших выборах голосовать за либералов. Она скажет: это более солидная, старая фирма, не зачем связываться с посредниками. А широкая рабочая масса сделает уклон влево. Каким темпом—не знаю, но несомненно, что в результате временного меньшевистского правительственного великоления, в рабочем классе произойдет очень значительное усиление революционного крыла. Макдональд работает на коммунистов. Да, в смысле международной революции, он работает на нас. Я, однако, вовсе не предлагаю посылать ему за это благодарственный адрес. Он действует в этом направлении не только бескорыстно, но и бессознательно. Подталкиваемый либералами и консерваторами, которые его намеренно компрометируют, обнаруживая, что он—только игрушка в их руках, Макдональд толкает английских рабочих на революционную дорогу. Вот каков будет последний результат этого исторического эксперимента,—пришествия к власти английской рабочей партии.

За недостатком времени я не останавливаюсь сегодня на Италии. Здесь, впрочем, обстановка ясна. Что итальянский фашизм, продолжая свою азартную игру, подготавливает величайший революционный реванш итальянского пролетариата,—на этот счет ни у кого из нас не может быть сомнения.

Наше международное положение.

Таковы основные элементы европейской обстановки, как я ее понимаю. Как это отражается на нашем международном положении? Как мне кажется, ответ ясен из всего предшествующего. Мы стали сильнее. Мы получили ряд признаний. Условную цену признания мы знаем. Мы революционеры, а не юристы, но мы не отрицаем все же веса «де-юре». Признание имеет значение. Какое? Оно затрудняет буржуазии открытие новой борьбы против нас военным путем. Не делает, конечно, войны невозможной,—об этом смешно и говорить,—войны будут! Но внезапные нападения, как в 18—19 гг., когда везде высаживались десанты, когда шла открытая поддержка восстаний,—все это станет теперь гораздо труднее. В результате больших и малых и признаний внезапная война нам не грозит; наоборот, наша международная обстановка делается обеспеченнее. Это уже большой плюс, и этот плюс мы запишем в нашу книгу на приход. Но не более того. В остальном же борьба капиталистических государств против нас продолжается полным ходом, и вражда буржуазии к нам, как вино, от времени крепнет, становится более выдержанной, более осторожной и более коварной. К тому же далеко не вся буржуазия дошла до юридического признания нас. Франция нас до сего дня еще не признала, а Франция—самая сильная военная страна в Европе, у нее могущественнейшая армия. Нас не признали и Соединенные Штаты Северной Америки. Это тоже не маленькая страна, которая сосредоточила в своих руках богатства всего мира. Я говорил вчера с красноармейцами сухумского полка и напоминал им известные стихи: «Все куплю! сказала злато, все возьму! сказал булат». В Соединенных Штатах сосредоточено богатейшее злато буржуазии, а во Франции—сильнейший капиталистический булат, и эти две страны нас не признали. Франция по отношению к нам занимается злостным шантажем, натравливает малых сих, как Румынию и Польшу, и пытается натравить Турцию. Правда, во Франции можно в результате предстоящих вскоре выборов ждать прихода к власти так-называемого «левого блока». Внешняя политика его будет, однако, отличаться от политики Пуанкарэ вряд ли многим больше, чем политика Макдональда—от политики Болдуина. Тем временем безвы-

ходные финансовые затруднения Франции готовят революционную развязку.

Соединенные Штаты продолжают переваривать в своем огромном хозяйственном желудке те богатства, которые они заграбили во время и после империалистической войны у Европы. Соединенные Штаты—ведь, это тоже архидемократическая страна! Их вмешательство в последнюю империалистическую войну произошло из чисто-идейных побуждений—помочь демократии против милитаризма. Мы все это помним... Ограбив, обессили и обескровив Европу, Соединенные Штаты стали колоссальной вавилонской башней буржуазного могущества. Переваривая награбленное, они держатся в стороне от европейских дел. Но в то же время тщательно готовятся к войне будущего. Авиация и газы стоят на первом месте. Соединенные Штаты, огромная фабрика мира, становятся все более фабрикой удушливых газов. Это готовится не только для ослабленной Японии, но и для Европы. В газетах попадаются сообщения в том смысле, что просвещенные американцы считают, что старые методы войны слишком варварские, устарелые, средневековые, и что необходимо применение новых методов, более тонких, химических, гуманных, которые не будут умерщвлять, но будут усыплять и даже навевать радостные сны. Вы знаете, товарищи, какое значение имеет веселящий газ в некоторых операциях; насколько знаю, дантисты часто выдергивают зубы под этим газом. Но когда американский капитал подготавливает веселящий газ для того, чтобы, при случае, вырвать революционные зубы у Европы, то нам нужно очень и очень быть на-чеку. Пока что просвещенная Америка пробует свои газы на своих преступниках, которых там уже не электрифицируют—отсталый способ!—а подвергают воздействию «веселящих» газов. Это последнее слово техники и квакерской гуманности! Действию своих газов американцы обещают подвергать целые города, районы, области. Вы представьте себе эту перспективу: богатая и сытая Америка посылает на голодную революционную Европу эскадрильи самолетов и сбрасывает на наши головы свои веселящие газы. Это не из фантастического романа! Уже в прошлую империалистическую войну применялись в большом масштабе отравляющие газы. Старые методы истребления оказались недостаточны. Военная химия делится ныне на две части: взрывчатые вещества и отравляющие. Я затрудняюсь ска-

зять, какие из них более «гуманны». В Ленинграде имеется у нас военно-химический музей, необходимое военное учреждение; но я вот вчера прочитал, что в этом музее есть плакат в том смысле, что нужно, мол, не истреблять силы врага, а парализовать их газами. Мы тут как-будто начинаем подражать буржуазным лицемерам. Нам это не к лицу! Неправда, будто газы «гуманнее». Если завтра какая-либо страна найдет газ, способный губить сплошь целые армии, она немедленно пустит его в ход против врагов. Война в целом есть постыдное и отвратительное варварство, это мы знаем хорошо, но пошлыми фразами о гуманных способах войны мы не занимаемся. Это под-стать пуританам и квакерам, а нам это не к лицу. Мы берем факты в их натуральном виде, не обманывая ни других, ни себя. Не гуманизировать нужно войну, а уничтожить. Как? Уничтожив капиталистическое общество. Другого пути нет. Поэтому мы были и остаемся смертельными врагами буржуазного строя: Мы по-прежнему, и с большим, чем когда-либо убеждением, держим курс на социальную революцию.

— Просчитаетесь!—кричат реформисты. Ведь, вы наделись, что война непосредственно перейдет в революцию?—Да, надеялись. И в действительности европейской буржуазии грозила смертельная опасность на исходе последней войны. Но завершилась революция только у нас. В Германии и Австро-Венгрии она остановилась на пол-пути. Франция была глубоко потрясена, в Англии развернулись могущественные стачки. Но до революции дело не дошло. А мы в 18 и 19 годах действительно ждали быстрого и победоносного развития европейской революции. Насчет темпа мы просчитались. В чем же была суть нашей ошибки? В том, что мы, несмотря на весь наш опыт, недооценивали значения революционной партии. Революционная обстановка была налицо. Европа была расшатана до основ. Рабочие и крестьяне выходили из окопов со скрежетом зубов. Чего нехватало Европе? Нехватало большевистской партии,—и только. Мы надеялись, что партия быстро создастся под огнем. Между тем обнаружилось, что требуется известный период для ее сложения, внутреннего отбора, вызревания, закала. Не такой долгий период, какой требовался нашей партии для ее подготовки, но и не такой короткий, как мы хотели-было надеяться. И вот в 1918—1919 гг. для пролетарской революции было готово все,—кроме пролетарской партии. Тем не менее, в этот

первый послевоенный час капиталистическая Европа испытала свой первый апоплексический удар. Она устояла, оправилась и пытается даже делать вид, будто она почти что совсем здорова. Но мы твердо знаем, что она пользуется лишь исторической отсрочкой—между первым и вторым ударом. Мы ждали в прошлом году победы германского пролетариата, что, конечно, отразилось бы во всей Европе и во всем мире. Оказалось, что и на этот раз мы недооценили значение партийной подготовки: хотя коммунистическая партия в Германии—честная и революционная партия, но она все-таки не была настоящим образом подготовлена, она не сумела, подобно нашей партии, активно маневрировать, не сумела решиться в грозный час поставить все силы на карту, отстранить сомнения и сомневающих, ринуться вперед и дойти до конца (бурные аплодисменты). Вот почему второй удар, смертельный, еще не нанесен. Германская буржуазия пробует оправиться, изменяя в свою пользу политическое соотношение сил. Мы живем в промежуточный период между первым и вторым революционным ударом, который должен покончить с европейской буржуазией. Как долго продлится этот срок,—мы не знаем. Капиталистический организм—это все же могучий организм, и даже в процессе агонии, в предсмертных судорогах, он способен наносить жесточайшие удары. А по кому же могут придти эти удары, как не по Советскому Союзу? Вот почему нам и после всех «признаний» нужно быть наготове.

Внутренние задачи.

Основным условием нашей устойчивости и обороноспособности является успешное развитие нашего хозяйства, т.-е. прежде всего развитие нашей промышленности, приспособленное к нуждам и потребностям крестьянских масс, воздействие через промышленность на сельское хозяйство, подъем сельского хозяйства, укрепление связи между промышленностью и сельским хозяйством, укрепление тем самым наших финансовых завоеваний на пути перехода к устойчивому денежному знаку. Мой доклад посвящен не этим сложным вопросам, которые я называю только по имени. Мы достигли в экономической области большого успеха уже одним тем, что сдвинули хозяйственное тело нашей страны

с мертвой точки. Уровень производительных сил повышается. Но он повышается одновременно в двух направлениях: в социалистическом и капиталистическом. Все зависит от соотношения между ними. Наши основные усилия направляются по той линии, чтобы социалистическое накопление шло быстрее, чем капиталистическое накопление, которое имеет место на основе нэп'а. Международная борьба, которую мы ведем, имеет свое прямое продолжение в экономической борьбе в рамках нашего Советского Союза. Перевес накоплений государственного хозяйства над частным является основной предпосылкой нашей устойчивости внутри и во вне. Эта задача еще не разрешена. Но если мы успели все же создать такие условия, при которых нас «признала» империалистическая буржуазия, т.е. оказалась вынуждена считаться с нашим длительным существованием; если мы сохраняем такие политические условия внутри, при которых мы сами свободно решаем, до какой линии, до какой черты мы допускаем частный капитал и какие уступки ему делаем; если принять во внимание вместе с тем, что мы за эти семь лет накопили большой опыт, подобного которому в истории не бывало,—то у нас нет никакого основания сомневаться в том, что мы справимся и с основной задачей хозяйственного строительства.

Политическое условие этого—неразрывная связь партии и класса. И на этот счет мы за последний период имеем самые благоприятные и притом неоспоримые показания. Важнейший политический факт последних месяцев и недель—это приток рабочих от станка в ряды нашей партии. Это есть лучшая форма проявления воли основного революционного класса нашей страны, который поднял руки и сказал: вотирую доверие РКП, она ведет необманную линию борьбы с буржуазией, знает, когда нужно уступить и сколько уступить, но основного не уступит никогда. Этот вотум есть верная, надежная, безошибочная проверка, по сравнению с которой парламентские вотумы являются призрачными, поверхностными, а чаще всего просто шарлатанскими. Этот самопроизвольный вотум пролетарского доверия есть основная политическая гарантия не только нашего существования, но и наших дальнейших успехов. На этой основе можно строить и должно строить.

На эту основу будет прежде всего опираться и наше дальнейшее военное строительство. Мы должны поднять военную технику, создав тесную связь между нею и промыш-

ленностью. Нам нужна крепкая, сильная военная авиация, идущая рука-об-руку с авиацией гражданской. Если мы хотим оградить наши города от усыпляющих, веселящих и мертвящих газов буржуазии, мы должны иметь эскадрильи своих воздушных разведчиков и воздушных защитников наших советских границ. При нынешней технике и нынешних способах войны авиация превращается в грозную силу только в том случае, если она помножена на химию. У них химия, и у нас будет боевая химия. Химия взрывчатых веществ и химия отравляющих веществ должны стать кровавым делом рабочего и работницы, крестьянина и крестьянки нашего союза, ибо дело идет об обороне революции. Мы хотим быть независимыми, мы хотим жить, мы обороняемся и обеспечиваем себя. Нам нужен воздушный флот. Мы его создаем. Мы его создадим. У нас есть Общество Друзей Воздушного Флота. Теперь нам нужно частной, советской, партийной и профессиональной инициативой создать общество друзей военной химии. Мы бедны, но у нас есть воля к жизни, воля к борьбе и к победе (бурные аплодисменты). Они техникой сильнее нас, но исход войны решает не голая техника, а моральная сила, помноженная на технику. Моральные силы войны за нас. Вот свежий пример. Мы недавно по добровольному соглашению расширили пределы Советской Белоруссии вдвое. Там было полтора миллиона населения, а теперь четыре миллиона. Что это означает? Это означает то, что мы прежде всего выполнили элементарный долг: белорусс имеет право жить в своей Белоруссии. А с военной точки зрения это равносильно трем новым корпусам Красной Армии (бурн. аплодисм.). Вы мне можете бросить упрек, зачем открыто я говорю здесь об этом,—Польша может таким путем узнать наши «секреты». Пусть узнает и пусть попробует нам подражать, пусть даст своим белоруссам автономию, пусть попытается нас ослабить этим путем!..

Мы сейчас все больше переходим на территориальную систему. Кто это может позволить себе? Только та страна, в которой нет противоречия и вражды между правящим классом и народом, между командирами и рядовым составом армии. Ни одна из буржуазных стран не может перейти на милицию. А мы можем! Вот моральная сила Красной Армии. Как будет себя держать солдат той или другой страны в случае европейского конфликта,—этого не знает господствующий класс ни одной буржуазной страны. Но как будет себя держать наш

красноармеец и наш красный моряк,—это мы все знаем прекрасно (бурн. аплодисм.).

Товарищи, каждый из нас сейчас делает какую-нибудь частную и частичную работу. Мы часто повторяем, что нам нужно учиться торговать. Если бы прочитали наши газеты с Марса или с Луны, то, пожалуй, подумали бы, что здесь живет какая-то раса мелких торгашей. Но нет! Мы учимся торговать, но революционной своей души не проторгуем. Мы остаемся такими же, какими были в ночь с 24-го на 25-е октября 1917 года (бурные аплодисменты). В нашей экономической работе, в нашей культурной работе, в нашей военной работе мы ведем себя так, чтобы подготовиться на тот случай, если бы буржуазия удержалась еще в течение ряда лет. Но если бы завтра, послезавтра Европа была охвачена новой революционной судорогой, и пролетариат Германии и Франции взглянул бы в нашу сторону, ища поддержки и помощи Советского Союза, все равно, взглянул ли бы он на Москву или на Тифлис (голоса: все равно!) или на другие центры нашего Союза, он нашел бы в нас тех же железных, стальных большевиков, учеников и преемников дела Ленина, сплоченных суровой дисциплиной, готовых драться до конца там, где этого требует революция (бурные аплодисм. Интернационал.)

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
На путях европейской революции	3
Вопрос о Бессарабии	4
Политика Франции	5
Германская революция	7
„Рабочее“ правительство в Англии	12
Наше международное положение	20
Внутренние задачи	23

1870

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“

Л. ТРОЦКИЙ.

== ЛИТЕРАТУРА ==

и

== РЕВОЛЮЦИЯ. ==

Цена 2 руб.

== ВОПРОСЫ БЫТА ==

1 изд. — 50 к. (Разошлось)

2 изд. Цена 75 коп.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Цена 25 коп.

ЗАДАЧИ XII СЪЕЗДА РКП.

Цена 30 коп.

== НОВЫЙ КУРС. ==

Цена 40 коп.

== ЗАДАЧИ ==

КОММУНИСТИЧЕСКОГО

== ВОСПИТАНИЯ ==

1 изд. разошлось, 2-е изд.

Цена 10 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГСЕКТОР

ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Воздвиженка, дом № 9.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“.

В. ЛЕНИН (Н. УЛЬЯНОВ).

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПО ТЕМАМ:

1. Основные задачи партии при нэпе 80 к.
2. Социалистич. революция и задачи просвещения 40 .
3. О партийном строительстве за 20 лет. (Разошл. Печатается 2-е дополненное издание).
4. Задачи рабочей печати. (В печати).
5. Коммунистический Интернационал. (В печати).
6. Крах II Интернационала. (В печати).
7. Подготовка большевизма. (В печати).
8. Две тактики (меньшевики и большевики в революции). (Готовится к печати).
9. Аграрный вопрос. (Готовится к печати).
10. Рабочий класс и крестьянство. (Готов. к печ.).
11. Литературные характеристики. (Готов. к печ.).

-
1. Речи и статьи. Хрестоматия для школ политграмоты и совпартшкол 2 р. 30 к.
 2. Карл Маркс.—Краткий биографический очерк с изложением марксизма. 2-е изд. 15 .
 3. Государство и революция. (В печати).
 4. Империализм, как новейший этап капитализма 30 .
 5. Лучше меньше, да лучше: (Готовится новое издание с предисл. Н. К. Крупской).
 6. О кооперации 10 .
 7. К 8-му марта 12 .

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГСЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Воздвиженка, дом № 9.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“.

О ЛЕНИНЕ И ЛЕНИНИЗМЕ.

1. А. Деборин.—Ленин, как философ. (Готовится к печати).
2. Г. Зиновьев—В. И. Ленин 20 к.
3. —На смерть Ленина 30 „
4. Л. Каменев.—Р. К. П. и В. И. Ленин. (Готовится к печати).
5. Г. Кржижановский.—О Владимире Ильиче 18 „
6. А. Луначарский. Ленин и просвещение. (В печати).
7. А. Мартынов.—Великий пролетар. вождь 8 „
8. Вяч. Молотов.—Ленин и партия за время революции 25 „
9. М. Павлович.—Ленин (материалы к изучению ленинизма). (В печати).
10. Н. Н. Попов и А. А. Яковлев.—Жизнь Ленина и ленинизм 60 „
11. М. Покровский.—Ленин как историческая личность. (Готовится к печати).
12. Е. Преображенский.—В. И. Ленин (социологический набросок) 22 „
13. К. Радек.—О Ленине 20 „
14. Ем. Ярославский.—Мысли Ленина о религии. (Готовится к печати).

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГСЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Воздвиженка, дом № 9.

MEMORANDUM

TO: THE SECRETARY OF THE ARMY

FROM: THE CHIEF OF STAFF

SUBJECT: [Illegible]

1. [Illegible]

2. [Illegible]

3. [Illegible]

4. [Illegible]

5. [Illegible]

6. [Illegible]

7. [Illegible]

8. [Illegible]

9. [Illegible]

10. [Illegible]

11. [Illegible]

12. [Illegible]

13. [Illegible]

14. [Illegible]

15. [Illegible]

16. [Illegible]

17. [Illegible]

18. [Illegible]

19. [Illegible]

20. [Illegible]

2р.

Цена 12 коп.

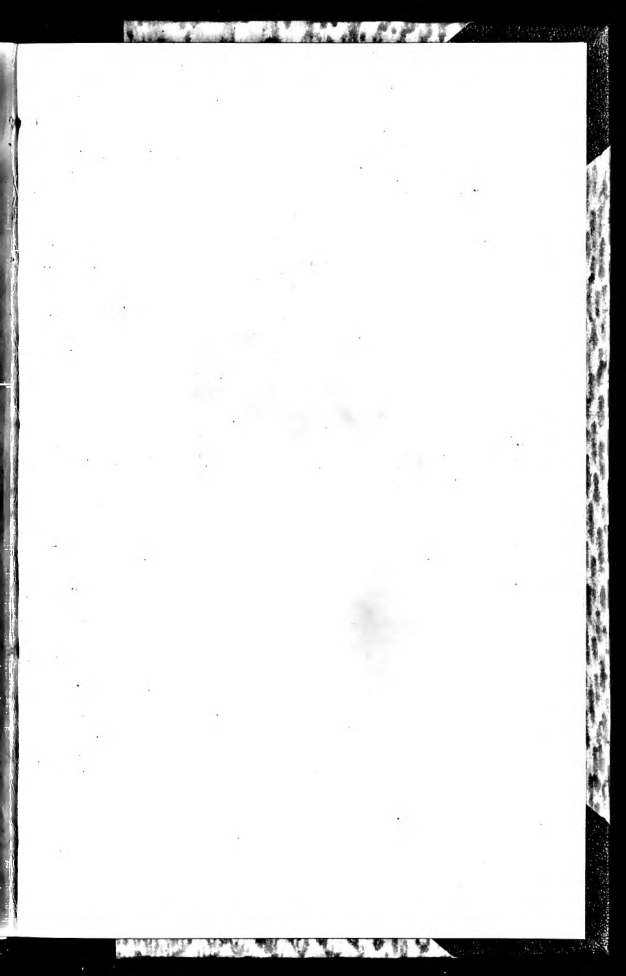
ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Кресто-
воздвиженского пер.).

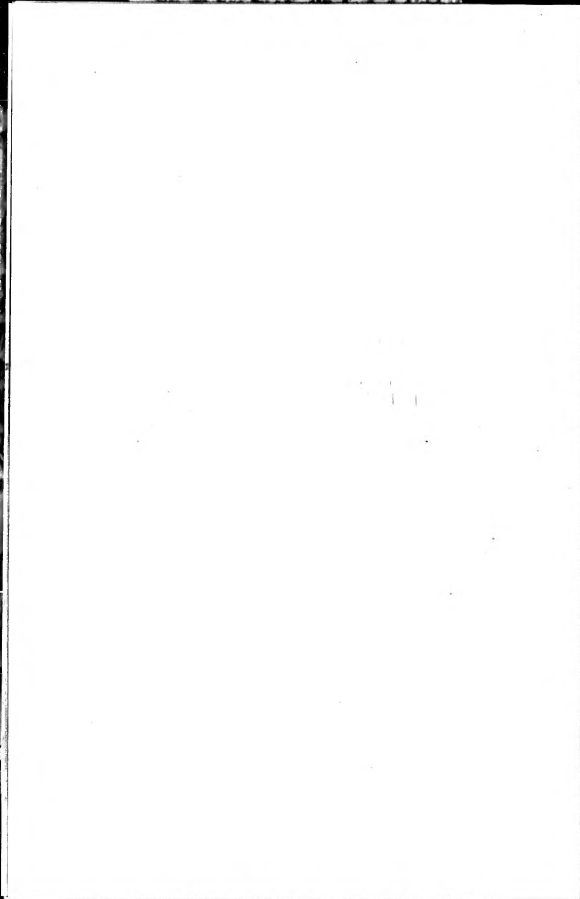
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Нев-
ский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сretenка, дом № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

